

ляли гуманистов Италии, которым никогда до сих пор не приходилось видеть ничего подобного.

В альбоме набросков римского архитектора Сан Галло-старшего от 1465 года сохранился целый ряд довольно далеких от истины изображений памятников, напр., башни ветров, монумента Тразилла, Филопаппа, портала Адрианова водопровода, вид Пирея со львом и двумя круглыми башнями и Парфенона.

Даже в Германию попали фрагменты дневников великого путешественника. Дюрер получил изображения афинских сооружений через посредство нюрнбергского врача Гартманна Шеделя, который срисовал их из одного экземпляра «Комментариев» в Падуе.

3. Свои афинские исследования Кириак делал, несомненно, при содействии местных знатоков древностей, без помощи которых он не сумел бы ориентироваться в развалинах города. В XV веке здесь должны были возродиться такие археологи, быть может, даже проводники, чичероне, так как к этому времени сношения Запада с Афинами стали оживленнее, чем во времена каталанцев. Многие образованные итальянцы, посещавшие двор Аччъяйоли, несомненно, должны были нуждаться в проводниках; поэтому-то здесь мог воскреснуть, хотя бы в очень скромной форме, старинный институт афинских проводников, процветавший еще во времена Павсания. Остатки классической древности были единственной гордостью афинян, вечно призывавшими их к борьбе с варварством, наложившим руку на создания их предков. В школах, которые, конечно, существовали, хотя и в жалком виде, грамматик бросал еще слабый свет на афинские развалины. Ни имена старых богов, ни мифологические сказания не были истреблены церковью в сознании народа; они жили в христианской форме в виде преданий и даже в народных обычаях. А память о великих мужах древности, хоть и затуманенная веками варварства, жила в народной памяти неистребимым сокровищем.

Так как с течением времени первоначальное назначение большинства античных памятников афинских, от которых во многих случаях оставались одни развалины, было забыто, то фантазия